

как судятся банки

С. КАРАХАНИЯН: «В России судебная практика по делам, в которых участвуют банки и регулятор, пока однозначно складывается в пользу регулятора»

беседовала Анастасия Скогорева

Финансово-кредитным организациям часто приходится быть участниками судебных процессов – иногда в качестве истцов, иногда в качестве ответчиков. Какие вопросы преимущественно оказываются спорными и требуют, с одной стороны, помощи юристов, а с другой, судебных решений? Может ли юридическое лицо, выполнявшее функции банка, оспорить решение регулятора об отзыве у него лицензии на осуществление банковской деятельности? На эти и другие вопросы ответил в интервью NBJ доктор юридических наук, президент Коллегии адвокатов города Москвы «Барщевский и Партнеры» Самвел КАРАХАНИЯН.

NBJ: Самвел Гургенович, насколько часто к Вам обращаются банки и какова структура их запросов и проблем, которые требуют помощи Вашей Коллегии?

С. КАРАХАНИЯН: Финансово-кредитные организации всегда составляли существенную часть наших клиентов, поэтому оказание им юридической поддержки – это одно из основных направлений деятельности нашей Коллегии. Что касается вопросов, то можно констатировать, что за последние два года их структура изменилась. Раньше речь шла преимущественно о проблемах, возникающих в сфере уплаты налогов, защиты интеллектуальных прав, реа-

лизации прав залогодержателей. Были и обращения по оспариванию некоторых ненормативных актов регулятора, но это была сравнительно малая часть. Сейчас же намного чаще к нам обращаются с проблемами, которые возникают в рамках банкротства банковских организаций, в связи с отзывом у них лицензий на осуществление банковской деятельности.

NBJ: Поясните, пожалуйста, что имеется в виду под ненормативными актами регулятора.

С. КАРАХАНИЯН: Речь идет об актах, обращенных к конкретному лицу, а не к неопределенному кругу лиц. Проще говоря, Банк России как регулятор рынка издает предписания, которые содержат некоторые положения, обязательные к выполнению всеми банковскими организациями, то есть издает нормативный акт. И в то же время он издает предписания, которые должен выполнять только один конкретный банк.

Это и есть основная разница между нормативными и ненормативными актами, и в нашей практике были прецеденты, когда финансово-кредитные организации обращались к нам за помощью в данном вопросе. Например, достаточно распространенной подобная практика была, когда формировалась система страхования вкладов и какие-то организации по тем или иным причинам регулятор отказывался в нее включать. Но в целом, споры с Банком России – это несущественная часть в нашем совокупном общении с финансово-кредитными организациями.

NBJ: Честно говоря, неудивительно. Судебные споры с заемщиками – наверняка более распространенное явление.

С. КАРАХАНИЯН: Как ни странно это может показаться, это не так. Банки обычно пытаются разрешить споры со своими заемщиками с помощью корпоративных юристов. Если подобные дела доходят до нас, значит, они слишком серьезны и сложны. Но, повторюсь, такое случается нечасто.

NBJ: А на другой стороне баррикад Вам приходилось оказываться – когда истцами выступают не банки, а их клиенты?

С. КАРАХАНИЯН: Безусловно, и такое бывает. С этой точки зрения преобладают залоговые споры. Вполне естественная и логичная практика: банк берет в качестве залога под кредит некое имущество должника и в подавляющем большинстве оценивает его стоимость по следующему принципу: предмет залога в случае его реализации должен покрыть издержки банка на предоставление заемных средств, включая проценты. Также естественно, что в качестве предмета залога очень часто выступает недвижимое имущество. В спокойные времена, в периоды экономического роста это не вызывает нареканий и судебных споров, а в кризис, как всем очевидно, цены на недвижимость падают, стоимость залогового имущества резко снижается, и это провоцирует конфликты между заемщиками и кредиторами.

Помимо того, о чем я Вам рассказывал, есть и обращения за юридической помощью по вопросам, связанным с реструктуризацией валютных кредитов. При этом я хотел бы отметить интересную особенность: в информационное поле обычно попадают прецеденты, где заемщиками являются физические лица, а мы как раз чаще имеем дело с заемщиками – юридическими лицами, которые тоже в докризисный период охотно привлекали кредиты, номинированные в валюте, руководствуясь вполне понятными стремлениями...

NBJ: Экономить за счет низких процентных ставок.

С. КАРАХАНИЯН: Совершенно верно. И вот теперь возникают, я бы так сказал, весьма «кровавопролитные» споры между банками и клиентами, поскольку некоторые из клиентов из-за падения курса рубля оказываются под угрозой потери не только части имущества, но и всего своего бизнеса. Я, конечно, не буду утверждать, что все банки ведут себя в этой ситуации жестко, но глупо было бы отрицать, что у некоторых финансово-кредитных организаций возникает соблазн получить за очень приемлемую и доступную сумму тот или иной бизнес.

NBJ: А банкротство банковских организаций? Является ли оно почвой для возникновения судебных споров с участием Вашей Коллегии?

С. КАРАХАНИЯН: Безусловно, как раз такие судебные споры очень характерны для последних двух лет, и это неудивительно, если учесть активность регулятора при отзыве лицензий на осуществление банковской деятельности. После того как решение об отзыве вступает в силу, АСВ через какое-то время обязательно подает в суд иск о признании данного юридического лица банкротом. И вот как раз после этого возникает очень много споров, поскольку возникают конфликты между заинтересованными лицами – акционерами, вкладчиками, кредиторами и государством в лице Агентства по страхованию вкладов.

NBJ: Мы понимаем, что юридическое лицо, являвшееся банком до момента отзыва у него лицензии, не прекращает существование одномоментно. Были ли в Вашей практике прецеденты, когда кто-либо из этих юридических лиц пытался оспорить в суде правомочность отзыва у него лицензии?

С. КАРАХАНИЯН: Да, такие прецеденты были, и надо сказать, что они носили не единичный характер. Но при этом я должен сказать, что в России судебная

практика по подобным вопросам пока складывается в пользу регулятора. Мне известно, что за последние три года было принято одно-единственное судебное решение в пользу юридического лица, которое оспаривало правомочность действий регулятора при отзыве у него лицензии. Вот такой у нас расклад.

NBJ: Только ли у нас? Наверное, и в других странах в подобных спорах суды чаще становятся на сторону регулирующих структур, чем частных юридических лиц.

С. КАРАХАНИЯН: Нет, бывает по-разному. К тому же следует сразу констатировать, что нигде в мире на сегодняшний день лицензии на осуществление банковской деятельности не отзываются так массово, как в России. Соответственно, поводов для обращения в суды с подобными исками в других странах гораздо меньше. С другой стороны, там такие дела рассматриваются дольше, чем у нас, – иногда по 5–10 лет, а у нас – до 1 года.

NBJ: Но дела по банкротству у нас как раз могут длиться по 5–10 лет.

С. КАРАХАНИЯН: Да, поскольку это очень сложный многоступенчатый процесс, и, как я Вам уже говорил, в рамках банкротства схлестываются интересы многих сторон. Плюс к этому – составляется ликвидационный баланс, реализуется имущество юридического лица, чтобы была возможность удовлетворить требования хотя бы части кредиторов, оспариваются ранее заключенные сделки и т.д.

NBJ: Самвел Гургенович, в истории нашей банковской системы были прецеденты, когда собственники банков незадолго до отзыва у финансово-кредитных организаций лицензий осуществляли операции, подпадающие под определение «вывод активов». Это ни для кого не является секретом, поскольку данные факты неоднократно признавал публично регулятор рынка. Приходилось ли Вам участвовать в процессах, направленных на возвращение этих активов?

С. КАРАХАНИЯН: И раньше приходилось участвовать, и сейчас мы в таких процессах участвуем. Но тут надо быть очень осторожным и взвешенным в определениях. Вы правы, говоря о том, что есть случаи, когда собственники банков пытаются вывести активы за границу, чтобы затруднить процесс обращения на них взыскания после отзыва у банков лицензий. Но есть и другие случаи – когда собственники сталкиваются с тем, что активы выведены, но сами они к этому процессу не причастны. Иными словами, очень трудно бывает определить, кто виноват: акционеры организации или «белые воротнички», то есть председатель правления, члены правления и т.д.

NBJ: Все-таки, наверное, в большинстве случаев собственники в курсе, что делают наемные сотрудники, пусть даже самые высокопоставленные.

С. КАРАХАНИЯН: Ситуации бывают разными, но Вы как раз отражаете в убеждение, которое складывается в нашем обществе, и судебную практику, которая формируется на основании подобных дел. У нас действительно собственники практически всегда привлекаются к ответственности.

NBJ: Возникла, если так можно выразиться, презумпция виновности собственников?

С. КАРАХАНИЯН: Да. Есть такой термин – «техническое кредитование». Обычно подобное явление наблюдается, когда банк начинает кредитовать близкие к нему организации, чтобы таким образом закрыть возникшие в его балансе «дыры» этими кредитами. Он не хочет досоздавать резервы, не хочет портить свою отчетность и прибегает к «техническому кредитованию». Я не скажу, что это хорошо и абсолютно законно, – но это не хищение средств и не вывод активов.

NBJ: Это так называемые схемные сделки.

С. КАРАХАНИЯН: Да. Но это всегда трактуется именно как хищение, и априори подразумевается, что собственник актива должен был знать об этом, – соответственно, он практически всегда привлекается к судебной или уголовной ответственности. Хотя речь идет скорее о стремлении банка в лице его исполнительного органа улучшить свое положение в глазах регулятора.

NBJ: Понятно, что в любом судебном процессе есть истец, ответчик, адвокаты и, конечно же, судьи. Поэтому, как мне представляется, следующий вопрос вполне закономерен: как Вы оцениваете качество российского судейского корпуса? Раньше часто можно было услышать жалобы, что наши судьи недостаточно разбираются в таких «тонких материях», как споры, возникающие либо в результате деятельности банков, либо в процессе их банкротства.

С. КАРАХАНИЯН: Если мы говорим о судейском корпусе, то нужно четко разделять арбитражные суды и суды общей юрисдикции. Уровень судей в арбитражных судах достаточно высок – другое дело, что при прочих равных, как я уже сказал, суд чаще всего становится на сторону регулятора. Квалификация судей в обычных судах тоже достаточно высокая, но они больше нацелены на уголовно-процессуальное, чем на банковское законодательство. Соответственно, очень многие нюансы, характерные именно для банковского бизнеса, они оставляют без должного внимания.

NBJ: Наверное, наша беседа не была бы полной, если бы мы не затронули «офшорные дела». Вы, конечно, знаете, какой скандал недавно разразился вокруг того, что целый ряд компаний и очень многие физические лица, в том числе и весьма известные, и занимающие высшие руководящие должности в различных государствах, держат свои сбережения на счетах в офшорах. Поясните, пожалуйста, насколько подобные

действия противоречат нашему законодательству и противоречат ли они ему в принципе?

С. КАРАХАНИЯН: Действующее российское законодательство не устанавливает никакого запрета на то, чтобы держать свои деньги в офшорах или в любой другой юрисдикции. Другое дело, что не так давно было введено обязательное декларирование средств, находящихся в офшорах, и обязательство отчитываться о движении этих средств. Причина проста: наше законодательство рассматривает такие действия, как вывод средств в офшоры, как попытки уклониться от налогообложения.

NBJ: Вполне логично. Мне кажется, что сложно это рассматривать под каким-то иным углом.

С. КАРАХАНИЯН: Тем не менее другой «угол» есть: зачастую компании делают это потому, что так удобнее выстраивать взаимодействие с иностранными агентами. Так что речь далеко не всегда идет о банальном нежелании платить налоги или о стремлении минимизировать свои налоговые платежи.

Что касается скандала, который Вы упомянули, то понятно, что волна возмущения возникла не из-за специфических действий каких-либо юридических лиц в рамках экономического планирования, а из-за того, что в скандал оказались вовлечены физические лица и некоторые из них являются государственными чиновниками. Претензия формулируется в том числе следующим образом: у чиновника не должно быть экономических интересов, находящихся за пределами страны, в которой он работает. Потому что в противном случае он оказывается уязвимым, и, более того, это создает благоприятное поле для принятия решений, противоречащих интересам его страны. Например, если на него оказывают давление, угрожая отобрать его активы, находящиеся на счетах в офшорах. **NBJ**